

УДК 82.09(092)

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ ЖАНРА В РАКУРСЕ ТЕОРИИ ЭТНОГЕНЕЗА Л.Н. ГУМИЛЕВА: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

© Александр Юрьевич ПАНОВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры рекламы и связей
с общественностью, e-mail: aleksandr.panov05@yandex.ru

Рассматривается актуальная проблема междисциплинарного подхода к изучению жанра – одного из ключевых понятий историко-литературного процесса и теории литературы. Впервые предлагается апробация естественнонаучной концепции этногенеза Л.Н. Гумилева в качестве методологического инструмента литературоведческого анализа жанровой категории. Анализируется современное состояние жанровой теории, научно обосновывается целесообразность применения гумилевской концепции этногенеза для плодотворного осмысления жанрового генезиса и жанровой эволюции, раскрывается потенциал этногенетической теории в сфере жанрологии, проводится сравнительный анализ методологических возможностей и преимуществ гумилевской концепции этногенеза с другими интерпретациями жанровой категории. Предложенный концептуальный подход может быть использован в рамках формирующегося современного направления литературоведения – «этнолитературоведения», в теоретических разработках категории жанра, в историко-литературных исследованиях отдельных литературных жанров.

Ключевые слова: жанр; жанровый генезис; теория жанра; концепция этногенеза; Лев Гумилев; философия; европоцентризм.

«Наиболее трудный, наименее исследованный» [1, с. 195], – так охарактеризовал вопрос о литературных жанрах Ю.Н. Тынянов. Спустя многие десятилетия после выхода в свет его известной теоретической статьи «О литературной эволюции» (1927) жанрология пережила бурный этап развития в русском литературоведении, и поэтому сегодня трудно назвать жанровую проблематику недостаточно изученной. Именно категория жанра вызывает в современной литературоведческой науке наиболее острые дискуссии и порождает взаимоисключающие концепции, предлагающие ее интерпретацию. Согласно М.М. Бахтину, жанр является ключевым компонентом историко-литературного процесса, формирующим систему художественных произведений. «Вся литература, как совокупность жанров, есть в значительной мере некое органическое целое высшего порядка» [2, с. 610], – заявлял М.М. Бахтин. Можно смело сказать, что в отечественном литературоведении накоплен значительный опыт исследования жанровой категории и широкого круга вопросов, связанных с ней. Тем не менее, по утверждению Н.Л. Лейдермана, «литературоведение до сих пор не располагает достаточно убедительными пред-

ставлениями о сущности жанра как об одном из фундаментальных законов художественного творчества, о той функции, которую он выполняет в творческом акте» [3, с. 12]. Поэтому и в настоящее время остается актуальным лаконичный вопрос, открывающий одну из работ Ю.Н. Тынянова: «Что такое жанр?» [1, с. 167]. Однако, несмотря на серьезный блок научных трудов, посвященных жанровой проблеме, в генологии, по оценкам исследователей, не наблюдаются новые веяния, способные придать импульс ее дальнейшему развитию. «За последнюю четверть века в теории жанра серьезных подвижек не было. Но сказать «А воз и ныне там» все-таки нельзя. Ибо с середины 1990-х гг. стало вновь восстанавливаться внимание к жанру» [3, с. 15], – приходит к выводу Н.Л. Лейдерман. Вместе с тем, если судить по именам, которые упоминает литературовед, интерес к жанрологии наблюдается прежде всего в Западной Европе, а точнее, во Франции.

О кризисе в современной генологии открыто говорит И.П. Смирнов. «Признаков возрождения и обновления жанрового подхода к литературному тексту в частности и к тексту вообще не наблюдается» [4, с. 7], – звучит приговор литературоведа. Анализи-

руя основные причины упадка жанрологии, И.П. Смирнов называет среди них антитеоретический пафос современной культуры и утрату жанром статуса центральной историко-литературной категории.

Вполне закономерным становится вопрос: возможно ли возвращение жанра из периферии в центр теоретических изысканий? А если такое возвращение возможно, то какая методология потребуется обновленной жанрологии? Наиболее перспективной для теории жанра И.П. Смирнов признает философию, способную оживить генологию и вывести ее на новый уровень развития. Особые надежды И.П. Смирнов возлагает на метафизический инструментарий философии, который может стать новым путем постижения жанровых форм. Причем исследователь проводит аналогию между познанием законов жанра и стремлением философии осмыслить «эйдосы, Всеединое, Бога, Абсолютный Дух, сверхчеловека» [4, с. 13]. Надо заметить, что в таком случае главным методом изучения жанрообразования становится умозрение, для которого жанры представляют собой такие же «непрозрачные значения» [4, с. 13], как и философские понятия. И.П. Смирнов прекрасно осознает разнородность философского умозрения и жанровой реальности, но, по его мнению, только привнесение философского синтеза в науку о литературных жанрах является для нее единственным выходом из кризисной ситуации. «Скрещивание теории литературы с философией позволяет рассматривать жанры не просто как классы словесного искусства, но и как его способ участвовать в истории» [4, с. 14], – заявляет И.П. Смирнов.

Способ участия жанров в истории – перспективная постановка проблемы для современной жанрологии. Но при подобной формулировке вопроса более эффективной для теории жанра может стать не философия, а естественнонаучная концепция этногенеза Л.Н. Гумилева. Успешная апробация гумилевской этногенетической теории в качестве инструмента литературоведческого анализа была осуществлена в рамках осмысления идейно-художественной структуры трагедии «Атилла» выдающегося русского прозаика, публициста и драматурга Е.И. Замятина сквозь призму основных положений гумилевского учения об этногенезе [5].

Размышляя об истории, Л.Н. Гумилев подчеркивал, что она многогранна. По его словам, «это может быть история общества, история культуры, история литературы, которая является частью истории культуры и так далее» [6, с. 134-135]. Следуя гумилевской мысли, можно добавить, что частью истории литературы является и история жанров. Необходимо четко определиться, с какой именно историей будет рассматриваться соотношение жанрового генезиса и эволюции жанров? Как утверждает Л.Н. Гумилев, «в антропогенных процессах различаются проявления общественной и комплекса природных <...> форм движения материи» [7, с. 14]. Поэтому антропосферу Л.Н. Гумилев видит этносферой – частью биосферы Земли, состоящей из этносов, представляющих собой способ существования человечества как вида. Являясь пограничным феноменом между биосферой и социосферой, этносы постоянно изменяются в историческом времени с момента своего возникновения и до исчезновения вследствие возрастания энтропии и снижения пассионарности – модуса энергии биохимической энергии живого вещества. Поэтому «несомненно одно – вне этноса нет ни одного человека на Земле» [7, с. 14], а значит «существует и этническая обусловленность искусства» [6, с. 156], предположительно определяющая и жанрообразование, и эволюцию жанровых форм в историческом времени. Более того, если исходить из гумилевской предпосылки об этничности каждого человеческого индивида, жанровые формы возникают отнюдь не беспорядочно и калейдоскопично, а в пределах динамических этнических целостностей и сопрягаются в соответствии с циклом этногенеза.

Таким образом, уточняя способ участия жанров в истории, можно определить интересующую нас этническую историю, с которой возможна корреляция истории жанровых форм. Говоря о соотношении жанрообразования и этногенетических процессов, следует обращать внимание не столько на влияние тех или иных этнических факторов на жанровый генезис, сколько на сопряжение столь различных феноменов, учитывая их особенности и взаимодействие. Но почему тогда следует отдать приоритет естественнонаучной теории этногенеза, а не метафизике и философии?

Надо оговориться, что именно результаты философского подхода к изучению жанровых форм стали основой разделения литературы на роды и виды, а, следовательно, и фундаментом теории жанра. Процесс философского осмысления жанровых форм начинается, по утверждению С.С. Аверинцева, с Аристотеля, размышлявшего в своей «Поэтике» о жанрах «как тождественных себе самим и непроницаемых друг для друга сущностях» [8, с. 194]. Анализируя последующее освоение аристотелевского учения о жанрах, С.С. Аверинцев констатирует особую роль немецкого классического идеализма в стабилизации и окончательном превращении жанровых форм в философские конструкции. Особое внимание исследователь уделяет продолжению ключевых тенденций немецкого идеализма в экзистенциализме, адепты которого «предпочитали видеть в литературных родах эквиваленты или материализацию не столько старых категорий, сколько «экзистенциалов» Хайдеггера» [8, с. 195]. Заложенное немецкими идеалистами представление о жанрах искусства как формах Абсолютного, которые становятся эманациями вечных начал духа, приводит к весьма интересным, с точки зрения этнологии, последствиям. Как верно замечает С.С. Аверинцев, наделение литературных родов – эпоса, лирики и драмы – универсальностью и общностью требует единообразного мышления в категории времени у всех без исключения народов, потому что указанные литературные роды твердо соотносятся в немецком идеализме и у некоторых экзистенциалистов с различением трех времен – прошлого, настоящего и будущего. «А это уже противоречит конкретному опыту истории литературы» [8, с. 195], – заявляет С.С. Аверинцев. Философская конструкция вступает в противоречие с литературным фактом.

Но в философском самоотождествлении жанров скрывается и внутренняя предпосылка, которую можно сформулировать следующим образом. Существуют жанры, которые уже достигли Абсолюта и потому они оказываются в поле зрения философии как достойные жанровые выражения Абсолютного. Но остаются жанры, отвергнутые в философском конструировании искусства, поскольку они еще не достигли или никогда не достигнут вершин совершенства. Но где кри-

терий Абсолютного? Изначально подразумевается, что таким единственным критерием оценки является античная литература и ее наследница – западноевропейская литература с присущими ей жанровыми формами. Тогда логическим становится вывод, что философская теория жанра, облеченная в немецкое идеалистическое одеяние – не что иное, как выражение европоцентризма в жанрологии. Получают признание только жанры, имеющие схожие признаки с европейскими жанрами, и исключаются из философского постижения жанры, не обладающие подобными чертами.

Аристотелевский рационализм оказался весьма удобным для философско-метафизического обоснования европоцентризма в генологии. Поэтому вполне логично С.С. Аверинцев приходит к выводу, что жанр – «абстрактный концепт» [8, с. 9], заявляя, что «теории, по-настоящему подходящей жанру, не существует» [8, с. 213]. Философское конструирование жанрового генезиса и эволюции с помощью метафизики превращается в игру умозрительных категорий и понятий, вступая в конфликт с реальной историей жанров и дискредитируя попытку рассмотрения функционирования жанров в историческом процессе, которую предпринимает И.П. Смирнов.

«Но, с другой стороны, нет ничего более легкого и дешевого, чем потешаться над неуклюжестью движений формальной логики на чуждой ей территории и спутывать ее козыри» [9, с. 17], – предупреждает Г.Д. Гачев. Действительно, разоблачение бесперспективности философом для успешного решения проблем жанрологии требует равноценной методологии, с помощью которой можно охарактеризовать жанровый феномен в процессе этногенеза. Как можно уже было убедиться, философема не является объективным критерием в изучении жанра и может скрывать под собой определенную этническую психологию, искажающую общую картину или, что гораздо хуже, объявляющую одни жанровые формы эталонами, а жанры других этносов – «неполноценными», а потому недостойными стать объектом философы. Именно последний вариант отношения к жанровым формам чутко уловил в европейском идеализме С.С. Аверинцев. Но подобный вариант жанровой палитры – пря-

мое следствие психологической классификации этносов, которое заметил Л.Н. Гумилев. «Если философ-идеалист, наследник великих схоластов средневековья, предложит деление этносов на «исторические», т. е. стремящиеся к Абсолюту, и «неисторические», просто живущие на поверхности Земли, ответ ему будет краток: нет ни одного этноса, который бы не испытал подъема пассионарности; и нет ни одного, который бы не превратился в реликт, если только он не рассыпался на куски раньше» [10, с. 33], – утверждал Л.Н. Гумилев.

Вместо философии, выбор которой всегда произволен, а характер субъективен, теория этногенеза описывает природную закономерность возникновения и исчезновения народов – коллективов особей, являющихся формой существования человечества в биосфере. «Неполноценных этносов нет!» [10, с. 346] – заявляет Л.Н. Гумилев, исходя из этногенетических, природных закономерностей, присущих всем без исключения народам. Именно теория этногенеза вполне может стать методологической базой изучения жанровых форм при рассмотрении их в ракурсе биосферного процесса этногенеза с опорой на внутреннюю логику развития жанровых феноменов. Кроме того, теория этногенеза способна охватить многообразие жанровых форм в различных этносах, не сводя их к мнимому однообразию явлений.

Фундаментальными вопросами при такой постановке проблемы становятся «Что есть жанр – категория или бытие, абстракция или реальность?» и «Как соотносятся жанрообразование и жанровая эволюция с процессом становления этносферы?». Обе задачи взаимосвязаны, и в их решении значительную помощь способна оказать гумилевская теория этногенеза.

Можно сказать, что жанровые формы в свете теории этногенеза рассматриваются на стыке постоянного переплетения исторической эволюции ноосферы и прерывистого развития этносферы. Следует подчеркнуть, что Л.Н. Гумилев обращал особое внимание на глубинное различие между ноосферой и биосферой, частью которой являются и этнические коллективы. Если в биосфере появление и развитие новых форм осуществляется в ходе диалектического перехода одних элементов в другие и обмена разными видами энергии, то «произведения рук человека как

из косного, так и из живого вещества <...> выпадают из цикла конверсии биоценоза» [7, с. 15]. Такое противопоставление ноосферы и этносферы определяет возможные пути и способы осмысления жанровой эволюции в процессе этногенеза, не позволяя проводить прямые аналогии между закономерностями жанрообразования и алгоритмом развития этнической целостности. Вспомним, что подобным методом калькирования воспользовался Б.И. Ярхо, который буквально спроецировал законы биологических феноменов на жанровую категорию. Поэтому при анализе жанровой эволюции в ракурсе этногенеза объектом изучения становятся точки сопряжения этих принципиально различающихся по характеру, но вместе с тем диалектически взаимосвязанных форм движения. Ведь жанры создаются и развиваются именно в этнических коллективах, которые, в свою очередь, являются элементом биосферы.

Взаимодействие ноосферы и биосферы в этногенезе прослеживается через системный подход, который смещает акцент с элементов той или иной структуры на связи между ними. Примененный Л.Н. Гумилевым в теории этногенеза системный метод позволил определить этнос как «динамическую систему, включающую в себя не только людей, но и элементы ландшафта, культурную традицию и взаимосвязи с соседями» [7, с. 100]. Кроме того, системная методика способствовала установлению внутренних связей между различными уровнями этнической иерархии, нижним пределом которой является отдельный индивид, а высшим звеном – суперэтнос, представляющий собой целую группу этнических целостностей. Таким образом, жанры можно назвать неотъемлемыми элементами этносистем различных уровней. Интерпретация жанров в ракурсе этнической систематики преодолевает извечный разлом между «вышними» и «низшими» жанровыми формами, заменяя аксиологическую трактовку объективным изучением внутренних и внешних жанровых связей в многоуровневой этносистеме.

Проекция системного метода, раскрывающего, по словам Л.Н. Гумилева, «то, что заложено в природе вещей» [7, с. 101], на жанрологию осуществлялась еще в 1920-х гг., когда Ю.Н. Тынянов признал литературу и литературное произведение системными це-

лостностями. Вместе с тем, представители формализма рассматривали систему в качестве механической суммы определенных элементов, не обращая внимания на системные связи, из которых, главным образом, и формируется системная конструкция. Логичным выражением этого понимания системного подхода стало определение жанровой категории Б.В. Томашевским: «Приемы построения группируются вокруг каких-то осязуемых приемов. Таким образом, образуются особые классы или *жанры* произведений, характеризующиеся тем, что в приемах каждого жанра мы наблюдаем специфическую для данного жанра группировку приемов вокруг этих осязуемых приемов, или *признаков жанра*» [11, с. 206]. Против такой формулировки категорически возражал М.М. Бахтин, утверждая, что жанр – это «типическое целое художественного высказывания, притом существенное целое» [12, с. 306]. Надо заметить, что в бахтинской трактовке также просматривается стремление к системному осмыслению жанровой дефиниции.

Согласно общей теории систем, новая системная структура возникает в результате появления внутренних связей между разнообразными элементами, которые взаимодействуют друг с другом. Поэтому жанр – это, прежде всего, способ взаимосвязи элементов литературного произведения, объясняющий присутствие в истории литературы жанровых гибридов, о которых упоминал С.С. Аверинцев, противопоставляя абстрактному понятию жанра реальные жанровые формы, которые объединяют различные и как будто не совместимые элементы. Новые системные связи выстраивают уникальные группировки и звенья структуры литературного произведения, формируя из прежних субстратов оригинальную жанровую конструкцию. Внутреннее единство художественного произведения сохраняется именно невидимыми нитями устойчивых жанровых связей, которые обеспечивают взаимодействие вербального материала с другими элементами литературной системы.

Внесение Л.Н. Гумилевым в этнологию системного принципа вместо традиционной классификации также является плодотворным подходом для жанрологии. Жанровая система состоит из неповторимых художественных творений, и поэтому их классифика-

ция по ограниченному ряду критериев или признаков, зачастую произвольно выбранных, лишь отрицает целостность жанра, отвергая наличие системных связей между отдельными произведениями одной жанровой формы. Характерной иллюстрацией использования классификационного подхода можно назвать известный вывод Ю.Н. Тынянова о том, что «исторический роман Толстого не соотношен с историческим романом Загоскина, а соотносится с современной ему прозой» [1, с. 197]. Действительно, романы Л.Н. Толстого и М.Н. Загоскина настолько различаются между собой, что их сопоставление с целью обнаружения сходных признаков логично подводит к мысли об отсутствии единого романного жанра как в синхронистической, так и в диахронической динамике развития.

Более того, жанровая форма превращается в абстрактную модель, под которую подгоняются разнообразные художественные произведения, совпадающие с ней по ряду главных или даже второстепенных признаков. Но если представить такие жанры, как, например, трагедия, поэма или роман не готовой формой общих критериев, а комплексом взаимодействующих в литературно-историческом пространстве оригинальных и уникальных произведений, являющихся элементами системы, то понятие жанра приобретает конкретный смысл, объединяя несхожие друг с другом романы Л.Н. Толстого, М.Н. Загоскина или Ф.М. Достоевского.

Следует помнить, что структурным компонентам системной целостности противопоставлена идентичность, которая зачастую становится камнем преткновения для жанрового осмысления того или иного художественного творения. Поэтому создание новых жанровых форм, непохожих на предыдущие образцы, всегда усложняет систему жанра: синхронное появление трагедий И.Ф. Анненского и одноименной трагедии В.В. Маяковского свидетельствуют об усложнении жанровой системы, но не о разрыве внутренних связей трагического жанра. Усложнение жанровой системной целостности менее всего предполагает копирование жанровой конструкции в процессе развития системы. Например, многие художественные произведения, созданные А.С. Пушкиным (трагедия «Борис Годунов», роман в стихах «Евгений

Онегин»)), стимулировали бурное развитие русской жанровой системы, но их жанровым конструкциям не суждено было повториться в отечественной литературе. Именно жанр в качестве внутренней системной связи образует художественную структуру произведения, одновременно осуществляя корреляцию со всей жанровой системой этноса.

Каждый этнический коллектив создает свои уникальные жанровые системы, устанавливая собственные объемы жанров и определяя его взаимосвязи с другими фундаментальными историко-литературными категориями – автором и стилем, а также вырабатывая нормы взаимоотношений жанра и всей литературной системы с культурой, которая является, по Л.Н. Гумилеву, способом «существования и развития» [7, с. 107] этноса. Этническая целостность очерчивает границы живой жанровой системы, которая служит подтверждением гумилевского тезиса, согласно которому «общечеловеческая культура, одинаковая для всех народов, невозможна» [13, с. 40]. Можно утверждать, что разнообразие жанров обусловлено именно мозаичностью этносферы, и жанр, в свою очередь, – это способ существования художественного творения в этносистеме.

Кроме того, необходимо учитывать жесткий и закрытый характер жанра как системной целостности, консервирующей вербальный материал, но не имеющей возможности к самостоятельной эволюции. Однако, определенная доля истины в словосочетании «эволюция жанра» все-таки присутствует и обнаруживается во взаимосвязи жанровой системы с процессом этногенеза. Дело в том, что для появления и нормального функционирования любой системы – этнической, культурной или жанровой – требуются значительные энергетические затраты. «Культура существует, но не живет, ибо без введения в нее творческой энергии она может либо сохраняться, либо разрушаться» [7, с. 171], – заявлял Л.Н. Гумилев. Формой энергии, поддерживающей развитие этноса и создающей его оригинальную культуру, является, по Л.Н. Гумилеву, пассионарность – эффект биохимической энергии живого вещества биосферы. Поэтому Л.Н. Гумилев называл этногенез, возникающий в результате вспышки биохимической энергии живого вещества, или пассионарного толчка, одним

из ключевых факторов, «без которого создание или восстановление культуры невозможно» [7, с. 172]. Следовательно, для создания или восстановления жанровой системы, выступающей элементом культуры, этногенез также следует признать важнейшим условием. Воссоздание жанров, оставшихся в наследство от ушедших в прошлое этнических целостностей, осуществляется в новых, уникальных по культурному облику, этнических и суперэтнических системах, которые переосмысливают прежние жанровые образцы и формируют жанры, отличающиеся от своих предшественников, но хранящие жанровую память о своих творцах – этносах. Непрерывная линия жанровой традиции, преодолевая пространство и время, сочетается в историко-литературном процессе с генезисом новых уникальных жанров в этнических системах.

Согласно гумилевской теории, динамическая этническая целостность в своем движении от появления до неизбежного исчезновения проходит ряд фаз, или возрастов, свойственных всем без исключения этносам. Общий алгоритм этногенеза, установленный в концепции Л.Н. Гумилева, позволяет провести сравнительно-типологический анализ жанрового генезиса и эволюции различных этносов и суперэтносов по конкретным фазам этногенеза и выяснить влияние динамики этносистемы на историю жанров.

Учение об этногенезе Л.Н. Гумилева обладает серьезным научным потенциалом для концептуального понимания этнического аспекта жанровой категории и роли этносферы в генезисе и эволюции жанров.

1. *Тынянов Ю.Н.* Литературная эволюция. М., 2002.
2. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: в 7 т. М., 2012. Т. 3.
3. *Лейдерман Н.Л.* Теория жанра. Екатеринбург, 2010.
4. *Смирнов И.П.* Олитературенное время. (Гипо)теория литературных жанров. СПб., 2008.
5. *Панов А.Ю.* Трагедия Е.И. Замятина «Атилла»: историософская антитеза «Восток – Запад» в ракурсе теории этногенеза Л.Н. Гумилева и концепции евразийства // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2007. Вып. 7 (51). С. 163-168.
6. *Гумилев Л.Н.* Чтобы свеча не погасла. М., 2002.

7. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М., 2003.
 8. *Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996.
 9. *Гачев Г.Д.* Содержательность художественных форм. М., 2008.
 10. *Гумилев Л.Н.* Тысячелетие вокруг Каспия. М., 2003.
 11. *Томашевский Б.В.* Теория литературы. Поэтика. М., 2002.
 12. *Бахтин М.М.* Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. М., 2000.
 13. *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. СПб., 2003.
 5. *Panov A.Yu.* Tragediya E.I. Zamyatina "Atilla": istoriosofskaya antiteza "Vostok – Zapad" v rakurse teorii etnogeneza L.N. Gumileva i kontseptsii evraziystva // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2007. Vyp. 7 (51). S. 163-168.
 6. *Gumilev L.N.* Chtoby svecha ne pogasla. M., 2002.
 7. *Gumilev L.N.* Etnogenez i biosfera Zemli. M., 2003.
 8. *Averintsev S.S.* Ritorika i istoki evropeyskoy literaturnoy traditsii. M., 1996.
 9. *Gachev G.D.* Soderzhatel'nost' khudozhestvennykh form. M., 2008.
 10. *Gumilev L.N.* Tysyacheletie vokrug Kaspiya. M., 2003.
 11. *Tomashevskiy B.V.* Teoriya literatury. Poetika. M., 2002.
 12. *Bakhtin M.M.* Freydzizm. Formal'nyy metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiya yazyka. M., 2000.
 13. *Gumilev L.N.* Ritmy Evrazii: epokhi i tsivilizatsii. SPb., 2003.
-
1. *Тунуанов Ю.Н.* Literaturnaya evolyutsiya. M., 2002.
 2. *Bakhtin M.M.* Sobranie sochineniy: v 7 t. M., 2012. T. 3.
 3. *Leyderman N.L.* Teoriya zhanra. Ekaterinburg, 2010.
 4. *Smirnov I.P.* Oliteraturnoe vremya. (Gipo) teoriya literaturnykh zhanrov. SPb., 2008.

Поступила в редакцию 14.06.2014 г.

UDC 82.09(092)

CONCEPTUAL JUDGMENT OF THE GENRE CATEGORY IN THE VIEW OF L.N. GUMILEV'S ETHNOGENESIS THEORY: TO THE PROBLEM STATEMENT

Aleksander Yuryevich PANOV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Advertising and Public Relations Department, e-mail: aleksandr.panov05@yandex.ru

The article deals the problem of interdisciplinary approach to the study genres – one of the key concept in historical and literary process and literary theory. The approbation of the L.N. Gumilev's ethnogenesis theory as methodological tool of literary analysis of the genre category is proposed for the first time. The author analyzes the current state of the genre theory, scientifically proves the relevance of application of the L.N. Gumilev's ethnogenesis theory for the fruitful understanding of genre genesis and genre evolution, expounds the potential of ethno-genetic theory in the genre sphere, carries out a comparative analysis of methodological opportunities and advantages of the L.N. Gumilev's ethnogenesis theory with other genre category interpretation. The proposed conceptual approach can be used in the area of such modern literary criticism direction as ethnic literary criticism, in theoretical development of the genre category, in historical and literary studies of some literary genre.

Key words: genre; genre genesis; genre theory; ethnogenesis concept; Lev Gumilev; filosofema; Eurocentrism.